

Кривоусова З.Г. Проблема становления личности в повести Ричи Достян «Тревога». -

URL:

https://vk.com/doc288907438_643245791?hash=ZUWxZ2oWLLHa4bodEq2HusBmhXAvjRzwIcFvdMt90Gw&dl=w4JwzOJvnTMgVwukqmXSqn84gxvLz7wxocyVsCuKsAc

З.Г. Кривоусова

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПОВЕСТИ

РИЧИ ДОСТЯН «ТРЕВОГА»

«Тревога» Ричи Достян увидела свет в начале 60-х годов XX века и сразу же привлекла к себе внимание критиков, отклики которых появились в серьёзных взрослых журналах и газетах. Рассматривая повесть с разных позиций, все рецензенты сошлись в том, что автор ставит в ней важный и злободневный вопрос, касающийся роли семьи в формировании мировоззрения подростка. Написанное почти полвека тому назад, произведение Достян и сегодня не утратило актуальности. Конфликт, заявленный в повести, воспринимается в начале XXI века как вполне современный, вызывая интерес детей, родителей, педагогов и психологов.

Автор продолжает линию отечественного романа воспитания, «в основе которого лежит история стадийного развития личности, чьё сущностное становление, как правило, прослеживается с детских (юношеских) лет и связывается с опытом познания окружающей детей действительности» [1, с. 148]. Достян наследует такие родовые черты созданной на эту тему русской классической прозы, как выбор в качестве главного действующего лица ребёнка или подростка, внимание к его внутреннему миру, изображение конфликтов героя с родителями и сверстниками. В то же время произведение несёт отпечаток другой эпохи, требующей не только изменения взгляда на проблему воспитания, но и иной художественной формы её воплощения.

Повесть открывается посвящением, подчёркивающим, что, сразу и прочно вошедшая в круг юношеского чтения, изначально она была обращена

к взрослой аудитории: «Посвящается людям, позабывшим своё детство» [2, с. 74]. Рассказывая о взаимоотношениях Славы и его мамы, соотнося эту сюжетную линию с историями других героев повести, автор стремится вернуть взрослым память детства, а с ней и утраченное взаимопонимание между людьми разных возрастов. Посвящение связано с заглавием произведения. Слово «тревога» не комментируется в повести, но по её прочтении становится понятно: тревогу вызывает дурная повторяемость, воспроизводство в процессе воспитания людей, которые не способны взглянуть на себя со стороны, не видят собственных недостатков, не хотят понять других.

Произведение делится на шесть глав, предпоследняя из которых состоит из двух частей («глава пятая» и «всё та же пятая глава»), а заключительная имеет уточняющее название («Глава шестая, и последняя, в которой всё только начинается»). Выделение этой главы подчёркивает её особое значение для понимания повести: она завершает событийный ряд художественного произведения, но на самом деле вызывающее тревогу отсутствие взаимопонимания между Славой и его мамой, как и между взрослыми и детьми вообще, только сложилось, главные конфликты, вытекающие из него, ещё впереди. Читатель понимает, что мать Славы, к сожалению, не захотела воспользоваться выпавшей ей возможностью изменить своё отношение к миру, людям и сыну. Так название последней главы смыкается с посвящением повести и возвращает нас к необходимости осмыслить заглавие.

Каждой из глав предпослан эпиграф, но не традиционное чужое высказывание, а фрагмент, извлечённый автором из текста той же главы. Это подчёркнуто начинающими и/или заканчивающими эпиграфы многоточиями. Отрывки, взятые из текста, становясь эпиграфами, утрачивают конкретность, но сохраняют смысловую связь с ним, приобретают обобщённое значение. Так, вынесенные в эпиграф к первой главе слова о вполне определённом, принадлежащем старикам-хозяевам, «длинном, приземистом кирпичном

доме, очень старом и крепком»: «В такие дома годы входят, как известь в кирпич, и от этого они становятся только крепче...» [2, с. 82], – превращаются в символ красоты и устойчивости обычного мира. Славе с первого взгляда очень понравились старик, у которого «улыбнулась» спина, и старушка с «чистыми, лёгкими руками». Мальчик почувствовал идущее от них и от этого дома «незнакомое <...> спокойствие» и «угадал древней памятью, оживающей иногда в человеке, что эти старики не просто старые, что они из других времён, когда люди привязаны были к земле и любили её, как живую» [2, с. 82].

Как обобщение, имеющее отношение ко многим героям, звучат в качестве эпитафий и фразы, соотносимые в тексте повести с одним каким-то персонажем. Например, в отступлении во второй главе речь идёт о Павлике, его бабушке Юлии и её педагогических принципах: «Человек, породив человека, сил своих не щадит, чтобы сделать из него существо, во всём подобное себе» [2, с. 104]. Но эта же фраза, превращённая в эпитафию, акцентирует внимание читателя на том, что связывает воспитательную практику разных по профессии и образованию, месту жительства и культурным запросам людей: Славиной матери, бабушки Павлика, Гришиных родителей, бабушки Вики и Кости.

Превращённые в эпитафии фрагменты третьей, четвёртой и шестой глав характеризуют не только Славу, о котором идёт речь в тексте, но и Гришу, и Павлика. Это касается и размышлений Славы о странном, по его мнению, поведении Вики и Кости. Приученный матерью относиться к окружающим с подозрительной настороженностью, мальчик не понимает, «почему сестра и брат с самого первого часа стали относиться к нему так, будто он им золотые часы ЗА ТАК подарил или от смерти спас?..» [2, с. 126]. Может быть, впервые в жизни подросток задаётся вопросом: «И почему это он, Слава, ничего подобного не может? Сколько уже времени прошло, а он всё приглядывается к ним и всё подвоха ждёт, а они – Славочка да Славочка», – на который, не щадя себя, отвечает: «А Славочка, оказывается, из тех, кому

никак не верится, что на свете есть люди не хуже его самого» [2, с. 126]. Вынося последнее предложение в эпиграф, автор заменяет имя собственное местоимением «он», потому что не только Слава привык считать себя лучше других. Таков же и Павлик, которому бабушка Юлия внушает мысль о его гениальности и избранности, и «навсегда обнаглевший человек» Гриша, родители которого не только «знают, из чего деньги делаются», но и прививают эти знания сыну.

Считая собственный стиль жизни единственно правильным, воспитывая детей по своему образу и подобию, взрослые делают их несчастными и одинокими. Этот происходит на фоне привычного быта, в котором вроде бы нет ничего из ряда вон выходящего. События продолжаются всего две недели, здесь и сейчас, однако автор даёт читателю возможность ближе познакомиться почти со всеми персонажами, вводя в каждую главу одно или несколько отступлений, выделенных графически: они набраны более узким столбцом, чем основной текст. Отступления от основного сюжета – не столько ретроспекции, сколько попытка объяснить поведение детей через их семьи, мотивация их поступков. Ещё ничего не зная о Славе и его маме, в самом начале первой главы мы глазами мальчика видим жизнь в их доме, которая для него – «жизнь приятная и понятная. Особенно когда знаешь, что, кроме тебя, мамки, бати да ещё тёти Клавы – соседки, которая тоже из-за своего Васечки кому хошь голову оторвёт, все остальные ПАРАЗИТЫ, СВОЛОЧИ, ГАДЫ и кое-кто ещё! Зная это, ориентироваться в окружающем мире было легко, и забота тогда была только одна – как бы не оказалось у кого-либо того, чего у Славки пока нет» [2, с. 74].

Из истории с новым портфелем, которую вспоминает Славка, понятно, что он завистлив, как его мать, и, так же, как она, привык добиваться своего любыми средствами. Воспринимая такое отношение к людям как норму, подросток подсознательно копирует взгляды, стиль поведения и лексику того, кого он считает воплощением силы. Слава, как выясняется, «невольюно подражал своей матери», более того, «чтобы подкупить мамку, он всегда

пускал в ход её же слова» [2, с. 75]. До приезда на дачу сын и мать прекрасно понимают друг друга. Второе отступление в этой главе (воспоминание об однокласснике Булавкине и его собаке Шайбе) подчёркивает именно эти особенности его характера как определяющие. «К домашним животным в Славиной семье относились как к дури – делать людям нечего, вот и заводят. Пожалел он только, что собаки нет. С некоторых пор Славе хотелось иметь собаку. Не потому, что любил, – он даже не понимал, за что их любят...» [2, с. 80]. Кроме того, это отступление предвещает появление в жизни героя собаки, которая, как и знакомство с Викой, Костей, Ленкой, а также с Гришей, Павликом и Володей, разрушит его приземленно-выгодное отношение к окружающим. Собака проверит каждого из детей на человечность и зрелость.

Во второй главе интересны два отступления от сюжета. Одно касается взаимоотношений семилетнего Павлика и его бабушки Юлии, уверенной в своём педагогическом таланте и в гениальности внука. Соединение объективного взгляда повествователя, фраз экзальтированной бабушки и переживаний Павлика даёт яркую и почти исчерпывающую картину их жизни. «Люди давно сошлись на том, что лепить кувшин, варить щи, полировать шкаф, выкармливать поросят, сажать репу – короче говоря, любое дело надо делать умея, за исключением одного – растить человека! Для большинства это, пожалуй, единственное занятие на земле, которое, казённым языком говоря, «не требует никакой квалификации», – это утверждение повествователя, помещённое в начале отступления, имеет отношение не только к бабушке Павлика, но и к родителям Гриши, Славы, бабушке Вики и Кости. Однако в данном случае на первый план выступают именно бабушка и внук, который на неё «пока не очень похож», но «жалеет её и вместе с нею ненавидит всех БЕЗДАРНОСТЕЙ И НЕГОДЯЕВ» [2, с. 104].

Ненависть к не таким, как они, сближает образованную и грамотную бабушку Юлию с грубой и невоспитанной матерью Славы, а Павлик,

который «пока ещё никого не любил», так же одинок, как Слава и Гриша, «у которого и в словах и между слов выпирало не просто фасонистое пренебрежение к родителям, а по-злому насмешливая неприязнь» [2, с. 97]. Причина такого отношения подростка к близким становится понятной после знакомства с отступлением, объясняющим одновременно и стиль поведения Гриши в подростковой компании. Открытие, сделанное мальчиком четыре года тому назад: «Дети людям нужны для того, чтобы помогать им во лжи» [2, с. 121], – приводит к тому, что мать и отец «для него почужели». Гриша, пожалуй, самый взрослый из героев повести, поскольку ни у кого из них нет такого жизненного опыта, который приобрёл он в процветающем родительском доме, вызывающем у окружающих «ощущение шоколадного торта».

История Гриши перекликается с отступлением о Славиных «своих» деньгах (начало третьей главы). Поводом к рассказу становится сэкономленная обманным путём и утаённая от матери ДЕНЮЖКА. В «узком» тексте выясняется, что «у Славы давно были «свои» деньги, но сперва он им значения не придавал. <...> И вдруг совершенно для себя неожиданно понял, что имеет право тратить свои денюжки (так материнское слово входит в активный словарный запас. – З.К.) как хочет. Это ему так понравилось, что он стал тянуть и со своей мамки» [2, с. 122]. Подросток стал требовать, чтобы привычные домашние дела оплачивались. «Мать это не возмущало, наоборот, отцу хвастала, что сын у них с башкой – с матки своей деньги дерёт, да ещё торгуется!» [2, с. 122]. Как и Гриша, Слава «понемногу наглел», а его желание «“заработать“ или вытянуть» деньги, не брезгуя никакими средствами, будь то экономия на домашних покупках или на коллективном мороженом, перерастает в привычку. Позже, в истории с собакой, повествователь подчеркнёт, что лучше всех понимает героя «Гриша, чей дом во многом был похож на Славкин» [2, с. 157]. Речь идёт, конечно, не о внешнем, а о внутреннем сходстве, о царящей в семьях мальчиков

атмосфере выгоды, наживы, зависти, недоверия и неприязни к другим людям.

В тексте используются слова и выражения, выделенные крупным шрифтом. Они встречаются в речи Славы, Гриши, Павлика, а также в воспоминаниях Вики и Кости о бабушке Виктории. При желании можно заметить, что, воспринимаемые поначалу как «взрослые» (поэтому и выделенные), эти слова, как только они усваиваются и становятся привычными, печатаются обычным шрифтом. Лишь в разговорах Кости и Вики лексика их бабушки Виктории остаётся чужой от начала до конца событий, – так подчёркивается обретенная братом и сестрой независимость от авторитаризма и нарочитого пафоса властной бабушки, которая «любила их со всей жестокостью, на какую способны только свои» [2, с. 83].

Вика и Костя добились свободы от чужой воли ещё до приезда на дачу, Слава пытается освободиться от давления матери в Сосновом Бору. Это происходит не сразу, как не сразу обретает герой способность смотреть на мир не материнскими, а собственными глазами. Не случайно в первой главе двор показан сначала через восприятие Славы, а затем – Кости. Для первого здесь нет ничего интересного не только потому, что ехал он на дачу с неохотой, но и потому, что не может разглядеть красоту в обычном пейзаже из-за незрелости художественного вкуса и наблюдательности. Для Славы здесь пусто и скучно: «Во дворе торчало несколько сосен, и всё. Они были прямые и тонкие, с очень маленькими кронами, которые даже не шумели на ветру, хотя утренний ветер раскачивал их. В жару и тени от них, наверное, никакой.

Голо вокруг и пусто. Ни кустика, ни травы – сплошной крупный жёлтый песок, усыпанный сосновыми иглами. Нет, двор Славе не понравился» [2, с. 78]. Уже знакомый по первому отступлению с отношениями в семье героя, читатель без труда понимает, что «невольной подражая своей матери», подросток оценивает это место исключительно прагматически.

Совершенно иначе видит тот же самый двор Костя. «Тонкая сосна покачивалась на ветру. Костя спиной ощущал еле уловимое её движение; сквозь полуприкрытые веки видел, как падают иглы в тёплый песок; медленно погружал в него руки, сыпал потом на себя, испытывая наслаждение от сухих юрких струй, бежавших между пальцами. <...> Именно сейчас, вот здесь, на этом разомлевшем песке, под этими блаженными соснами <...> Костя ощутил, что свобода нужна человеку не только для того, чтобы поступать как хочешь, а и для того, чтобы смочь чувствовать то, что чувствуешь» [2, с. 83].

Костя и Вика чувствуют красоту, потому что свободны от чужого мнения. В их семье другие ценности. Когда в воскресный день они идут с родителями в лес, это рождает у героя удивление и зависть, а пьяный голос матери впервые «вызвал вдруг у Славы омерзение» [2, с. 133]. Именно на даче «впервые в жизни он так сильно страдал от стыда» [2, с. 190], «впервые за свою жизнь Слава отдыхал от зависти» [с. 193], «впервые Слава жаждал радости не для себя!..» [2, с. 197].

За время пребывания в Сосновом Бору впервые происходит многое. Он начинает видеть то, мимо чего проходил раньше. Так, взгляд мальчика останавливает «берёза, громаднейшая, прямая и такая белая, как будто земля поила её молоком» [2, с. 109]. «Слава только в Сосновом Бору стал обращать внимание на небо. В города его никто не замечает. А вот тут прямо удивительно сколько неба! Больше, чем земли. И бывает оно не только голубое да серое. Бывает и зелёное, бывает коричневое даже, <...> вечером, оказывается, слышен песок. Днём он глушит шаги, а вечером сам хрустит!» [2, с. 135]. По-другому он видит двор: «Кора на соснах, как жаром из печи освещённая, торжественно блестела, а вершины плавали в прохладном небе без движения. Спящий песок лежал тяжело» [2, с. 163]. Его очаровывает красота лесного озера: «Наконец просека оборвалась. А там, дальше, обнаружилась иная страна – зелёная, голубая, прохладная... Даже сосны, которые шарахнулись от просеки вправо и вдаль, были здесь другими. Трава

высокая была кругом, и прямо в ней лежало неподвижное озеро – плоское и невероятно голубое» [2, с. 170]. Лето, дача, внутренняя свобода приводят к тому, что «Слава незаметно < > превращался в кого-то другого, кто проникает в сон песка, стояние сосен, полость неба» [2, с. 168].

Погружение в природу делает героя «художником и мудрецом», поэтому он так остро воспринимает обычную материнскую ругань: «– Ах ты, холуй ты этакий!.. Кому прислуживаешь, скот?», – когда вытряхивает Викины половики. Не случайно появление в этой сцене стариков-хозяев, которые «молчали, как молчат иностранцы, не ведающие здешнего языка» [2, с. 210]. Обретение «полного права на самого себя» и стало подлинной причиной ссоры Славы с матерью, пытавшейся «лишить его верного представления о самом себе».

Литература

1. Якушева Г.В. Воспитания роман // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. – М.: ИПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб. – Стб. 148-149.
2. Достян Р.М. Тревога: Повести. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 464 с.